
Глава 20.

1915 год

В начале года последовало *отрадное* назначение на пост министра просвещения *достойнейшего* графа Павла Николаевича Игнатъева, из директоров департамента ведомства земледелия¹. Порядочность его, *отменная* честность, широта взглядов, понимание государственных задач успели снискать графу уважение общественных кругов независимо от различия партий и политических программ. Поэтому назначение его министром было встречено сочувственно. А вслед за этим хорошим назначением состоялось назначение заведомо плохое — ничем положительным себя не зарекомендовавшего князя В. Н. Шаховского на пост министра торговли из начальников Управления водных и шоссейных путей сообщения путейского ведомства.

Уже на этот последний пост не следовало выдвигать этого совершенно маленького человека, не привлекательного ни по внутреннему содержанию, ни с внешней стороны из-за уродовавшей его заячьей губы, обнажавшей оскаленные зубы. Но ему бабушка ворожила. Выпущенный в морские офицеры из Морского кадетского корпуса, он внедрился в окружение торгово-флотского адмирала вел<икого> кн<язя> Александра Михайловича, который при комплектовании личного состава созданного ему в игрушку *опереточного ведомства* Главного управления торгового мореплавания и портов взял этого совершенно не подготовленного к ответственной работе юношу в начальники отделения своей канцелярии. Александр Михайлович не сумел или не успел разочароваться в кн<язе> Шаховском и продолжал покровительствовать ему и после того, как торгово-мореплавательное ведомство с образованием поглотившего его Министерства торговли лишилось самостоятельного существования, а вел<икий> кн<язь> — своего министерского портфеля. Но пробрался в министры путей сообщения товарищ вел<икого> князя по ликвидированному ведомству Сергей Васильевич Рухлов. Александр Михайлович просил Рухлова взять к себе Шаховского, продвинутого великим князем до должности начальника канцелярии усопшего главного управления. Рухлов и взял Шаховского на должность начальника Управления водными и шоссейными путями сообщения.

Министром, говорили, назначил кн<язя> Шаховского Распутин. Государственного кругозора и знания не было. Их заменила, очевидно, распутинская благодать².

* * * * *

Николай Николаевич Покровский уже год как был членом Государственного совета в необычном для этого прирожденного труженика положении мало занятого сановника. Не зная, как заполнить непривычный для него досуг, он дал себя вовлечь в работу учреждений, возникших по случаю войны по разным видам ее обслуживания. Так он оказался прикомандированным к верховному начальнику санитарной и эвакуационной части действующей армии принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, а также назначен членом образованного под председательством императрицы Александры Федоровны Верховного совета по прирению раненых воинов и семей лиц, убитых на войне³.

«Не хотите ли, В. Б., разделить со мною работу у принца? — как-то предложил мне Н. Н. — Мы давно с вами не сотрудничали, и я соскучился по совместным трудам с вами. К тому же все теперь работают на войну помимо основной службы. Неловко вам представлять исключение. Принц в заботах о раненых усиленно занялся теперь курортами. Особое внимание обратил на Кавказ, где собирается открыть ряд новых лечебных пунктов. Но там большая путаница и разнообразие земельных отношений. Для отчуждения земель, потребных для курортов, надо распутаться в действующих земельных законоположениях, пересмотреть их, в случае надобности спроектировать соответствующие изменения и т. п. Как видите, работа по вашей специальности. Каюсь, я говорил уже о вас с принцем. И он непременно хочет вас заполучить. Вас ждут у принца. Познакомьтесь с его помощниками Лукьяновым С. М. и И. В. Мещаниновым и поговорите с начальником канцелярии А. Л. Гарязиным. Кстати, побеседуйте с состоящим при принце доктором П. Ф. Иордановым. Он ближе всего стоит к вопросам о курортах и жаждет встречи с вами».

«Николай Николаевич, — отвечал я, — если кто из нас соскучился по совместной работе, то главным образом я. Вы отлично знаете, что я пойду за вами всюду, куда бы вы меня ни повели, даже к принцу, о котором я, однако, наслышан как о человеке необузданного темперамента, способном привести в трепет и людей куда более твердого закала, нежели я».

Но Н. Н. смеялся. «Поверьте, В. Б., принц умеет разбираться в людях и знает, на кого следует и можно распалить свой гнев. Вам нечего опасаться. Вы с ним поладите. В сущности, принц добрый и любезный человек».

Я занялся курортами. Лукьянова, члена Государственного совета, бывшего синодального обер-прокурора, а ранее товарища министра народного просвещения я знал, встречаясь с ним в бытность его еще директором Института экспериментальной медицины у Е. К. Мамоновой, вдовы бывшего директора Медицинского департамента. Сенатор Мещанинов был предшественником моего отца по должности члена Совета по железнодорожным делам от Министерства юстиции. И его я также знал. Павел Федорович Иорданов, доктор медицины, оказался бывшим таганрогским городским головою, богатым человеком с не-

движимою собственностью и в Таганроге, и в Ростове-на-Дону, и в Кисловодске. Неглупый и хитрый армянин решил, что пора ему сделать карьеру побольше. В этих видах и втянулся в окружение принца, проявляя умиленностью взгляда, дрожью взволнованного голоса, трепетом всего своего естества благоговейное обожание к особе сумбурного императорского высочества. Иорданов встретил меня изысканно любезно. Поручил моим заботам служившего у нас в ведомстве на младших должностях своего старшего сына.

Канцелярий оказалось у принца две: одна военно-походная под управлением весьма забавлявшего принца талантливом рассказчике анекдотов полковника Кочергина, вскоре затем произведенного в генерал-майоры, и другая — стационарная — деловая, начальником которой состоял *очень мужественный, очень красивый, с правильными чертами лица, большою окладистою черною бородою и большими голубыми глазами бывший лицеист, статский советник смутного прошлого и неясных устремлений Александр Львович Гарязин*. Он произвел на меня впечатление человека с недоброю, но сильною волею. Крепко забрал в руки всю исполнительную часть управления принца, единолично распоряжаясь весьма ответственным и деликатным делом распределения по этому управлению громадных миллионных заказов. Опирался на благоволившего к нему сенатора Мещанинова.

Так как пока что моя скромная обследовательская задача по части юридических норм землепользования на Кавказе в применении к курортному делу ни в какой мере не вторгалась в ревниво оберегавшуюся Гарязиным область хозяйственно-финансовых распоряжений, то Александр Львович отнесся ко мне без видимого предубеждения. Рассыпался в уверениях отменного уважения к Н. Н. Покровскому. Заявил, что отдает себя в полное мое распоряжение по облегчению мне моей обследовательской задачи.

Познакомился еще с двумя состоявшими при принце камер-юнкерами — лукавым и умным Буймистровым и лишенным положительных характерных свойств графом Сюзором.

С принцем я познакомился, так сказать, неожиданно. Зашел как-то в управление побеседовать с Иордановым. Пришлось пройти вместе в военно-походную канцелярию, расположенную рядом с приемною принца и его кабинетом. По выходе из нее встретили выходявшего из своего кабинета Александра Петровича. Иорданов меня представил. Хотя дело происходило не по этикету (для первого представления «высочайшим» особам надо было одевать мундир), тем не менее, принц, на всякие этикетки чихавший, взял меня за плечо, *милостиво* потряс и объявил: «Теперь мы будем завтракать». *Я не осмелился противоречить.*

Повел меня и Иорданова по бесконечным лестницам и коридорам своего дворца, выходявшего одним фасадом на Марсово поле, другим на Неву, а боком к Летнему саду, от которого был отделен Лебяжьею канавкою. Поднялись снизу до верхнего этажа. Большой, грузный, старый, Александр Петрович брал лестницы с юношескою резвостью. Очень любезный, но не словоохотливый. Говорил мало, плохо, отрывисто. Сели за стол принц, сын его — супруг сестры царя Ольги Александровны, какой-то неизвестный тип (Ольденбургский каждый день добывал себе какого-нибудь нового ископаемого), Кочергин, Иорданов, состояв-

ший при принце для поручений камер-юнкер Буймистров, адъютант принца поручик Скрыбин — брат известного композитора и я. Оказавшись в незнакомом обществе, я увял и молчал. Говорили другие. Говорил, и вовсе не глупо, младший Ольденбургский, принц Петр Александрович. Мне осталось непонятным, почему это людская молва и собственная его супруга изображали его каким-то полусумасшедшим дегенератом.

Так я вошел в управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части.

Копался в скучных и необычайно запутанных по разбросанности материала и по его пестроте законоположениях и правилах землепользования на Кавказе. Составил по ним несколько записок. Но никакого интереса к этой работе не восчувствовал. По-видимому, пропал интерес к вопросу, для разработки которого я был приглашен, и у самого принца, и у его ближайших сотрудников. Я сдал записки. Никто их не рассматривал и не читал. Я ждал распоряжений. Они не последовали. Но меня от управления принца не отчисляли. Имелось в виду использовать для других поручений.

* * * * *

Военные неудачи требовали козлища отпущения. Главное командование получило боеспособные войска, мобилизованные со скоростью, превывсившего не только наши ожидания, но и расчеты противника. Достаточным было вначале и снаряжение, в массах побросанное войсками вследствие разгрома на полях сражений и путях отступления. Не представлялось поэтому возможным в этих, по крайней мере, первых неудачах винить военного министра⁴. Выходило, что виновным было главное командование. Неудачи явились, как выяснилось, в значительной мере результатом поспешности предпринятых действий против неприятеля, не дававшей возможности оперировать большими силами, требовавшими времени для их сосредоточения. С другой стороны, были проявлены неумелость и необдуманность командования. Чтобы выгородить себя, главное командование свалило вину в своих неудачах на инсценированную им измену. В качестве изменника был повешен находившийся в действующей армии бывший жандармский полковник Мясоедов, обвиненный в шпионаже в пользу неприятеля, в котором не был изобличен, и в мародерстве, в котором, говорили, будто бы сознался. Но мародерством Мясоедова нельзя было объяснить наших неудач.

Мясоедов был в свое время начальником жандармского управления на бывшей нашей пограничной с Пруссией железнодорожной станции Вержболово. О его существовании я слышал давно. Его знали многие из моих ковенских друзей, прибегавшие к содействию Мясоедова для проезда через границу в близрасположенные прусские пункты в поисках развлечений или отправляясь за покупками. Он был услужлив и любезен. Знал его император Вильгельм, приглашавший его к себе на охоту в свой охотничий замок вблизи нашей границы. Отсюда связь с немцами, использованная для обвинения Мясоедова в измене. Повесить человека повесили. Но убежденности в его измене *ни у кого* не было⁵. *Кричали о ней, когда это признавалось практически нужным.*

* * * * *

Неудачи на прусском фронте сменились успехами, одержанными в Галиции. Были взяты Львов и Перемышль. В завоеванной русскими у австрийцев исконно русской земле спешно вводились русское управление, русские порядки. Приехали царь... и Родзянко⁶.

Без него не могло обойтись ни одно крупное событие, ни одно торжество, ни одна правительственная манифестация. Вернее, он не мог, не считал себя вправе их обходить. Везде тут как тут. Всюду внедрялся. Председатель Государственной думы, «выразитель народной воли», второе лицо в России после царя, каким Родзянко мнил себя и пытался поставить, считая, что и по интеллектуальным своим качествам, помимо всего прочего, он на голову выше всех своих современников.

Такова была мания грандиоза никогда умом не блиставшего, а с войною окончательно свихнувшегося думского председателя, с некрасивым щетинистым лицом, вечно небритого (что придавало ему вид и плохо умытого), телом сырого и грузного.

Никогда не приходилось слышать, чтобы где-либо существовал другой такой беспокойный председатель законодательной палаты. Резвостью и распространностью он превосходил севильского Фигаро. И всех-то поучал: и министров, и царя, и царицу со тщетностью, не уступавшею его назойливости. Смешною, а когда затянется, и скучною была болтовня Родзянко, псевдопатетическая, неумело снабжавшаяся шаблонными эффектами дикции и жестов. Большое участие в его речах, произносившихся с модуляциями голоса сказателя древних былин, принимал указательный перст думского председателя. Он подчеркивал устремлением вверх важность выдвигавшихся моментов. Помахиванием в пространство грозил несогласным и врагам. Сколько раз во время войны с думской трибуны этот перст угрожал австро-германцам, туркам и особенно предателям славянства болгарам! Наводил трепет на не обладавших чистою совестью россиян. Да, всех Родзянко поучал. Одного себя поучить упустил из виду. И, не найдя в себе практического разрешения вопроса, никем и из его присных своевременно не поставленного, о том, как надо править, восприняв власть, жалко со своими присными растерялся, когда в февральские дни 1917 г. не нашедшие на кого опереться народ и войска пытались себя возглавить верхами Государственной думы.

В описываемую пору, в 1915 г., не подошедший еще к всенародно констатированному политическому банкротству Родзянко приехал парадировать во Львов. Болтал. Принимал депутации. Поучал.

Мы были быстро сметены с занятых галицийских позиций⁷. Неприятель перешел затем в наступление. Под его ударами пали во второй половине лета Новогеоргиевск, Ивангород, Осовец, Брест-Литовск, Ковна. Были заняты Варшава, Вильна, Митава, Либава. Подавляемые превосходством противника, мы с громадными потерями отступали внутрь страны.

Тогда были убиты из моих родных и друзей мой двоюродный брат, командир гвардейского Конно-гренадерского полка Дмитрий Александрович Лопухин, его сын, офицер того же полка Георгий⁸, другой мой двоюродный брат, из офицеров запаса, служивший в Преображенском полку Рафаил Сергеевич Лопухин, офи-

цер того же полка, младший сын нашего посла в Японии Андрей Малевский-Малевич, далее ушедший на войну из запаса с Измайловским полком ^{ачиновник}^{al} нашего министерства Казанский, жених моей свояченицы, офицер Семеновского полка Федор Яковлевич Сиверс и др., в числе знакомых — зять известного журналиста В. С. Кривенко, отличавшийся красивою внешностью офицер того же полка Гончаров. На смерть его Меньшиков отозвался в «Новом времени» заимствованною у поэта эпитафиею обманутого упования при проводах на войну: «Верю, смерть тебя не встретит, Азраил среди мечей Красоту твою заметит, И пощада будет ей». Но пощады не было. Смерть косила наших воинов, как обильную жатву.

Военные бедствия свидетельствовали не только о недостатках главного командования, но и о неблагополучии тыла. Проявился острый недостаток всех видов снабжения армии. Обвиняли руководство военным ведомством. Правительство в его целом признавалось не соответствовавшим требованиям переживавшегося грозного момента. Общественность, принявшая видное участие в работах тыла по снабжению армии и тем заставлявшая с собою считаться в мере большей, нежели в обыкновенное время, настойчиво высказывалась за образование ответственного правительства из общественных деятелей⁹.

Царь пошел на компромисс увольнения особенно непопулярных министров¹⁰. Государственная дума в лице своих лидеров, главным образом депутата Гучкова, давно вела подкоп под генерала Сухомлинова, выставляя кандидатуру в свое время тесно сотрудничавшего с Думою талантливого бывшего помощника военного министра, члена Государственного совета генерала Алексея Андреевича Поливанова. Царь уволил Сухомлинова и назначил Поливанова. Назначение его было встречено общественностью с чувством удовлетворения. Я много слышал о Поливанове хорошего, состоя с ним в отдаленном свойстве. *Он был двоюродным братом моего тестя — тоже генерала Поливанова, умершего в 1897 г.* С большим уважением к нему относился весьма для меня авторитетный Н. Н. Покровский. Можно было ожидать, что новый министр упорядочит снабжение армии и поставит его на должную высоту. Но ему не дали времени выполнить эту задачу. Двор его не любил из-за его близости к Государственной думе. К тому же не благоволил к Поливанову Распутин. Как человек принципиальный и честный, министр игнорировал царского гада. Когда же Поливанов осмелился проявить неуважение к Распутину, отнял у него оказавшиеся в его распоряжении для личных его надобностей четыре (!?) военных автомобиля, то императрица Александра Федоровна настояла на увольнении Поливанова¹¹.

Уволены были почти одновременно с Сухомлиновым министры внутренних дел Маклаков и юстиции Щегловитов, а также синодальный обер-прокурор Саблер, несколько позже не столь одиозные министры: земледелия Кривошеин и путей сообщения Рухлов¹².

Министром внутренних дел был назначен, к общему удивлению (из-за неподготовленности к этому посту по предшествующей деятельности), управляющий государственным коннозаводством князь Щербатов, *прекрасный человек, но поскольку долгие годы он сосредотачивался, и весьма успешно, исключительно на лошадях, представлявшийся менее всего подготовленным к роли человеческого администратора.* Должность синодального обер-прокурора была замещена моим дальним родственником, сведущим в церковных делах общественным дея-

телем, московским губернским предводителем дворянства, *очень порядочным, безукоризненно честным* Александром Дмитриевичем Самариным. Щегловитова заменил А. А. Хвостов — не весело канканировавшая тучная глыба дрожащего человеческого мяса, именовавшаяся Алексеем Николаевичем Хвостовым, назначенная после уволенного в сентябре князя Щербатова министром внутренних дел, а дядя опереточного Алексея Николаевича — Александр Алексеевич Хвостов. Преемником Кривошеина был назначен общественный деятель, губернский предводитель дворянства Наумов, а министром путей сообщения на место Рухлова — Александр Федорович Трепов, бывший во время моей службы в Государственной канцелярии помощником статс-секретаря Государственного совета, впоследствии ставший сенатором и членом Государственного совета.

Происходила метко охарактеризованная присяжным остроумцем, членом Государственной думы Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем, «министерская чехарда»¹³.

* * * * *

Июль я проводил в обычном летнем отпуску в семье в Териоках. Вернувшись в начале августа, с удивлением узнал от сослуживцев, что в газетах был опубликован приказ принца Ольденбургского в качестве верховного начальника санитарной и эвакуационной части о назначении им ревизии бальнеологических устройств на Кавказе, с возложением производства этой ревизии на Иорданова, генерала от инфантерии Рагозина и на меня.

Управление принца даже не снеслось по поводу этого возлагавшегося на меня поручения с местом моей службы — Министерством иностранных дел. В министерстве этому, разумеется, подивились, но так как вступать в пререкания с принцем никому не хотелось, а я выяснил, переговорив с Иордановым, что ревизия едва ли займет времени более одного месяца, то меня отпустили без возражений.

Так как ехать приходилось от военного ведомства, да еще в фронтовую полосу — турецкого фронта, то от меня потребовали приведения себя в военный вид. Я облекся в военную куртку защитного цвета с *придворными вензелевыми пуговицами и погонами, носившимися камергерами на форменном пальто*. Одед высокие сапоги и нацепил на себя военную шашку, одолженную мне заведовавшим регистрацией нашего департамента бывшим офицером Раевским.

Генерал Рагозин оказался *симпатичнейшим превосходным* человеком преклонного уже возраста, общительным, любезным, *добрым, исключительно* приятного нрава. Командовал во время оно Лейб-гвардии Гренадерским полком. Дошел до корпусного командира. Отойдя по возрасту от командных должностей, был теперь назначен состоять при принце по санитарной и эвакуационной части.

Мы отправились. Первым нашим этапом был курортный гор<од> Славянск под Харьковом. В нем было размещено много раненых и больных, прибывших с войны. Заняты ими были обширное барачного типа здание на окраине города вблизи курортного парка, госпиталь в самом городе и несколько лазаретов, устроенных в частных домах. Мы все осмотрели и все нашли в порядке. Бальнеологические устройства курорта не были рассчитаны на такое стечение больных,

которое дала война. Требовалось их расширение, о чем местные власти хлопотали, но чего пока не добились. Нам предстояло заинтересовать этими хлопотами принца, неугасимая энергия которого служила порукою, что курорт будет расширен. *Парк при курорте был превосходный.*

В Ростове-на-Дону нас встретили на вокзале начальник дороги Кригер-Войновский (впоследствии товарищ министра путей сообщения) и служивший начальником участка инженер Иорданов — брат П. Ф. Иорданова. Они предоставили в наше распоряжение на все время нашей ревизии салон-вагон. Каждый из нас имел в нем свое купе, *обставленное с самым прихотливым комфортом.* Общим помещением служил салон с зеркальными окнами, мягкой комнатной мебелью, столами обеденным и письменным. Мы в нем трапезовали, беседовали, читали, писали, принимали на остановках посетителей. В тех пунктах, где нам предстояло остаться для ревизии, наш вагон отцеплялся от поезда, превращаясь из средства передвижения в стационарную нашу квартиру. Когда требовалось ехать дальше, нас прицепляли к поезду соответствующего назначения. Мы наладили коллективное хозяйство в вагоне. Хозяйничать взялся Рагозин. При помощи предоставленного в наше распоряжение проводника хозяйничал он превосходно. Мы были всегда обеспечены чаем, кофе, закусками, фруктами, хлебом, печеньем, винами, прохладительными напитками. Обедали и завтракали в курортных ресторанах или железнодорожных буфетах на вокзалах. Я вел запись ревизии, на основании которой составил потом для принца отчет. Так как он содержал популярное описание местностей, которые пришлось посетить, в том числе многих таких, которые были мало известны широкой публике, то записка моя была отпечатана.

Открывающиеся взору путешественника почти тотчас за Минеральными Водами Кавказские горы, сколько бы раз к ним ни подъезжать, производят каждый раз неотразимое впечатление красоты и мощи, не уступающее по силе впечатлению первого их созерцания. В поездах пассажиры тесно сгущаются к окнам, не отрываясь от великолепной картины выступающих перед ними гигантов.

Иорданов — свой человек на Кавказе. В Кисловодске у него собственная дача. Он знает Минераловодскую группу, да и многое другое на Кавказе, как свои пять пальцев. Он дает мне и Рагозину подробные *и интересные* объяснения о развертывающемся перед нами горном ландшафте.

В Кисловодске наш вагон отцепляется. Мы остаемся на житье в вагоне. Дача Иорданова ремонтируется, и он не может пригласить нас к себе. *Гуляем. Обедаем в ресторане у вокзала. Вечер проводим на даче у брата Иорданова, приехавшего вслед за нами в Кисловодск.*

Наутро приезжает из Пятигорска директор Минераловодской группы Тиличев в сопровождении горного инженера группы. Мы с ними обходим бальнеологические устройства Кисловодска — нарзанную галерею, ванны и др. Тиличев — высокий, костистый человек с умным лицом и выразительными глазами. Толково, занимательно дает необходимые объяснения. На мой взгляд, все обстоит в полном порядке. Иорданов отмечает все-таки какие-то дефекты. Ему виднее. На то он доктор медицины, да еще специализировавшийся по курортной части. Завтракаем всей компанией в ресторане в парке. Уговариваемся на послезавтра встретиться с Тиличевым в Пятигорске, где находятся его управление и квартира. Он приглашает нас к себе к завтраку. Оставшись после его отъезда с инженером, продолжаем свою ревизию. Обходим все санатории, все лазареты,

проникаем в их кухню, кладовые, погреба, всюду проверяя соответствие содержания помещений требованиям санитарии и гигиены. Опрашиваем раненых и больных. Много среди них отравленных газами, впервые применявшимися в этой злосчастной войне. Формы отравления тяжелые. Попадают больные, отравленные несколько месяцев тому назад. И в состоянии их почти не заметно улучшение. Преобладают легочные поражения.

Столь же внимательно и подробно обследуем лечебные устройства, санатории, лазареты Пятигорска, Железноводска, Эссентуков, станции Минута, возвращаясь каждый раз на ночлег в Кисловодск. В часы досуга гуляем. Побывали в Кисловодском театре, на вокзале. Вокзал с его рестораном, театром, музыкальной площадкой представляет собою подлинный уголок летнего Петербурга — Аквариум или Буфф.

Железноводск неинтересен. Если бы не горы, не на чем было бы остановить внимания. В 1915 году бальнеологические его устройства были, по сравнению с аналогичными устройствами Кисловодска, Эссентуков и особенно Пятигорска, совершенно жалкие. Эссентуки — великолепный, обширный, тенистый, прекрасно в ту пору содержавшийся, но сырой и скучный курортный парк. Бальнеологические его сооружения не уступали лучшим сооружениям зарубежных курортов. Но всего великолепнее были они в Пятигорске. Зато город Пятигорск, в то по крайней мере время, о котором идет речь, представлял собою по внешнему виду не курорт, а именно город и, как по характеру и типу построек, так и по благоустройству, город не из важных.

У Тиличеева мы завтракали. Присоединился к нам приехавший из Петербурга от Министерства торговли отменно петербургский человек, всех в Петербурге знавший и всем петербуржцам ведомый, в должности шталмейстера Иван Иванович Назимов. Тиличев вместе с его многочисленной семьей чувствовал нас радушно. Я использовал его гостеприимство со спокойною совестью, совершенно не подозревая, что наша ревизия будет для Тиличеева роковою. Как впоследствии оказалось, лукавый Иорданов, заведомо с целью выслужиться перед принцем раскрытием не порядков по группе, *которые без него не были бы обнаружены*, раздул в не порядки уловленные им ничтожнейшие мелочи, и, когда мы явились для доклада принцу в Гагры, скрытно от меня и Рагозина нашептал принцу об упущениях Тиличеева по службе. В официальном докладе, составленном мною, о каких-либо упущениях Тиличеева не упоминалось ни одним словом. Указывалось лишь на антисанитарное состояние одной кухни одного только из многих десятков лазаретов. Остальное все, как оно и было найдено в действительности, было представлено принцу в благоприятном свете. Тем не менее, вняв нашептываниям избравшего умильное благоговение к особе принца лукавого Иорданова, принц, не опросив ни Рагозина, ни меня, потребовал от Петербурга увольнения Тиличеева. С принцем спорить не решались. «Повеление» его было исполнено.

* * * * *

В Кисловодске, взяв как-то газету, я, не веря своим глазам, прочел о том, что верховное командование на войне взял на себя царь. Вел<икий> князь Николай Николаевич от этого командования был отрешен с назначением наместником на

Кавказе и командующим армиею только Кавказского фронта, действовавшей против Турции¹⁴.

Неудачи наши на войне не могли не поставить вопроса о перемене верховного командования. Но разрешение этого вопроса мыслилось единственно так, что будет отрешен Николай Николаевич и призван другой, действительно талантливый и способный, искусный в стратегии боевой генерал. Такие генералы были. Называли Рузского, Алексева, Брусилова. Но царь? Не стоило доказывать, что он-то ни в какой степени не был стратегом, что не-стратегу-главнокомандующему не поможет никакой, хотя бы и наиталантливейший, начальник штаба, ибо всем набила оскомину истина: Куропаткин — одно, а Скобелев — другое, что регентство было нежелательно за непригодностью для него лиц, на которых оно было бы возложено царем, что отсутствие верховной власти в центре неминуемо внесет беспорядок в правительство, в вящее его расстройство¹⁵. Доминировала мысль, что царь — незадачливый, несчастливый человек, которому никогда ничто не удавалось, чей почин неизменно всякий раз оказывался непоправимою ошибкою, чье царствование с самого его начала было отмечено несчастным роком. Интуиция и подкреплявшая ее неотразимая логика говорили, что верховное командование царя повлечет за собою тягчайшие бедствия.

* * * * *

С Минераловодской группы мы двинулись на климатические станции, тяготевшие к Владикавказу и Грозному. Посетили Нальчик, Серноводск, Горячеводск и др.

Богатые климатическими средствами и большой целебной силы источниками, эти станции были большею частью лишены всякого бальнеологического оборудования. Не имели и никаких устройств для размещения больных. Совершенно не были подготовлены принять и пользоваться их в такой их численности, которую порождала война. В Нальчике мы еще нашли лазареты, помещенные в каменных домах. В других местах они отсутствовали. В обычное время больные помещались в избах казаков. Теперь повсюду спешно ставились по распоряжению принца сборные, одобренного им типа стандартные бараки, составившиеся из частей, привозившихся в готовом уже виде, предварительно пригнанных друг к другу. Ставились они с волшебною быстротою. У Горячеводска их вырос целый городок с широкими улицами и переулками. Для летнего времени постройки представлялись превосходными — прочные, солидные, просторные, с массою воздуха и света. Некоторые были рассчитаны каждая человек на 100 и более. Все снабжены были печами, что при мягкости климата давало возможность рассчитывать, что они окажутся пригодными и в более суровый сезон.

Незабываемое впечатление произвел на меня естественными своими бальнеологическими устройствами Горячеводск — большая и богатая казачья станция верстах в 8–10 от Грозного.

На вершине небольшой возвышенности над станицею бьет ключ горячей серной воды. Консистенция ее придает воде высоко целебные свойства. Вода кипит. По установившейся традиции нам приносят куриные яйца, опускают в выбоину источника и через 3 минуты подают их нам в меру сваренными всмятку. Вода по

желобу спадает вниз. Источник дает до миллиона ведер в сутки. По соседству имеется еще другой такой же источник такой же серной воды и такого же обильного суточного выпуска. Вода, стекая вниз, заполняет обширный естественный проточный бассейн, способный одновременно вместить до 1 000 человек купающихся, имеющих и при таком их числе достаточный простор, чтобы свободно плавать. Когда мы наблюдали купанье больных-ревматиков, их было в бассейне человек 400. И они занимали лишь небольшую часть бассейна. Что особенно замечательно, это что в теплое время года вода, стекая из места выхода в бассейн, охлаждается от состояния кипения до той именно температуры, которая требуется для наибольшей эффективности серных ванн — до 34–36 гр<адусов> Цельсия. Лечение дает прекрасные результаты. Больные быстро поправляются.

Но ведь это волшебная сказка! Воду до требуемой консистенции серы насыщает, кипятит, до потребной температуры охлаждает, вливает в бассейн без малейшего вмешательства человека одна мать-природа. Что можно было бы сделать, кооптировав эти два двухмиллионноведерные источника кипящей серной воды? Какую, помимо используемой целебной силы, содержат они колоссальную тепловую энергию?

* * * * *

Мы мчались по берегу Каспия мимо Петровска и Дербента на Баку, чтобы, обогнув горы, свернуть к Тифлису и посетить расположенные невдалеке курорты Боржом и Абастуман.

Изумрудные долины Северного Кавказа сменились на нашем пути обнаженными, сбегающими к морю нагорьями прикаспийской полосы. Скалы, камень, песок. Маловодный, бурливый Терек, «мчащий мутный вал». Дикая, суровая природа. Настолько суровая, что не примиряют с ней ни картины чарующей библейской прелести проходящих вдалеке караванов верблюдов, ни вечно повсюду привлекательные видения моря, кажущегося здесь угрюмым из-за неприветливости сковывающих его пустынных скал.

После поворота к Тифлису от преддверия Баку Баладжар мы вновь вступаем в изумрудное царство цветов, садов, виноградников, фруктовых деревьев.

В Тифлисе к нам входит в вагон местный уполномоченный принца камергер Голубев и сообщает, что принц прибыл в Гагры и телеграммою вызывает нас к себе. Так как текст телеграммы не содержит слов, предписывающих стремительность исполнения — «немедленно», «безотлагательно» — то мы решаем, предварительно выезда в Гагры, все-таки посетить Боржом и Абастуман, чтобы не добираться до них издалека вторично.

С Тифлисом, в котором я раньше не бывал, я не успел и на этот раз ознакомиться. Мы прибыли в закавказскую столицу вечером, а наутро укатили в Боржом и Абастуман. Вернулись дня через три также вечером и опять наутро умчались, на этот раз на автомобиле по Военно-Грузинской дороге через перевал во Владикавказ, чтобы следовать оттуда далее на черноморский берег Кавказа — в ближайший в то время к Гаграм железнодорожный пункт Туапсе.

Тифлис оставил поэтому во мне лишь совершенно смутное впечатление (я все-таки побродил вечером по его главным улицам) большого, преимуще-

ственно европейского типа столичного города с богатым колоритом Востока, придававшим ему своеобразную прелесть. Неширокая Кура. Невелика, впрочем, и берлинская Шпрее. Наутро я развлекался смешными ишаками и любовался прелестными туземками, одевавшимися еще в ту пору в широкие, стянутые к щиколотке шаровары, выглядывавшие из-под длинных юбок. Обуты были они в остроконечные загнутые сверху туфли. Головной убор составляла плоская низкая шапочка с ниспадавшим на плечи широким и длинным покрывалом.

Боржом оказался курортом довольно-таки запущенным, мало и использовавшимся для лечения больных и раненых воинов, как, впрочем, и Абастуман. Ни тот, ни другой ничего приковывавшего внимание при их посещении нам не дали. Но великолепны в этом царстве гор были окрестности с нависшими на скалистых обрывах над бездонными пропастями старинными замками грузинских князей.

Вернувшись в Тифлис, мы с вечера распорядились отправкою нашего вагона с нашим багажом обратным путем через Баладжары и Дербент во Владикавказ, а сами туда выехали поутру по Военно-Грузинской дороге на автомобиле. Хотя дело происходило в сентябре, день был совершенно летний, и погода, несмотря на ранний час, жаркая.

Промчались через Мцхет и Душет. Стали подниматься, забираясь все выше и выше. Завтракали и пили чай в придорожном духане в Пасанауре. Во дворе на цепи, прикованный к столбу, резвился светло-бурый медведь. Покатили дальше. Дорога суживалась и перешла в вившийся по горе узкий карниз, отгороженный по краю от зияющей внизу бездны ничтожным парапетом едва в пол-аршина вышины. Сидевший рядом с шофером проводник рассказывал, что бывают случаи падения экипажей в бездну, что тут именно тогда-то свалилась и погибла целая компания. От этой информации — что греха таить — делалось жутко. Я заглянул вниз. И увидел на порядочном расстоянии под нами хорошее добротное облако, во все стороны расплывшееся громадными хлопьями белоснежной ваты, горевшее по краям розовым отблеском солнечных лучей. И ниже — изумрудная бездна с серыми точками построек и светло-желтыми черточками дорог. Картина была великолепная. Горизонт беспредельный. Дальше стало хуже. Не все облака прогуливались ниже нас. Собрались тучи над нами. Покрыли солнце. Стало хмуро и свежо. Свежесть перешла в холод, и пошел снег. Разыгралась метель. Я был в форменном драповом пальто. Стало так холодно, что хоть надевай шубу. Дрогли и Рагозин и Иорданов. Но что совсем было неприятно, это что метель заносила снегом стеклянный щит, укрепленный спереди автомобиля. Шоферу стало не видно дороги. Становилось страшно. Проводник не успевал счищать снег со щита. Я стал ему помогать, пустил в дело свой носовой платок. Он сразу намок. От талого снега коченели руки. Мы огибали как раз тот поворот, который носил внушавшее тревогу название «Пронеси Господи». Я дал себе слово, если переезд окончится благополучно, больше ни в каком случае по Военно-Грузинской дороге и вообще по горным дорогам не ездить. Проводник сыпал все справками о катастрофах.

Ресторан «Казбек» ниже перевала принял нас совершенно окоченелыми, и в нем самом было от разыгравшейся непогоды нестерпимо холодно. Водка, закуска, чай еле нас отогрели.

Дальше пошло лучше. Начался спуск. За перевалом картина гор резко изменилась. Богатства флоры первой половины пути от Тифлиса сменились от-

сутствием малейших признаков растительности. Одни угрюмые морщинистые скалы. Проехали дикое, голое темно-серое ущелье. Иорданов говорит: «Замок царицы Тамары». Руины, остатки руин. Дальше встретился бурливый ручей, кипящий крупными пузырьками выделявшегося газа. Иорданов объясняет, что это нарзан, чище, лучше, богаче кисловодского.

Выкатились из пологого ущелья на зеленую равнину. По бокам высились убежавшие в облака почти вертикальные горные отвесы. На равнине утопали в садах белые постройки Владикавказа. Чистый, красивый, прекрасно распланированный город. Украшали сады и дивное месторасположение у подножья исполинских отвесных гор. Местные казаки — сплошь богатыри. Казачки видные, рослые, прекрасно сложенные, красивые. Такой же рослый красивый народ осетины.

Мы воспользовались гостеприимством коменданта города, бывшего в свое время товарищем по службе Рагозина, сохранившего с ним приятельские отношения. Старик-комендант и его добрая кубышка-жена обласкали нас, прекрасно накормили и устроили нам ночлег у себя.

На следующий день, обрета на вокзале наш вагон, которому мы обрадовались как родному дому, мы покатали в Туапсе через Армавир.

От Армавира дорога все время вилась у подножья гор, заросших сплошным лесом деревьев-великанов. Туапсе представлял собою сквернейший городишко, неблагоустроенный, грязный, сырой. От него веяло унылою скукою. И не примиряла с ним красота синего под солнечною ласкою Черного моря.

Железная дорога на юг вдоль морского берега еще только начала прокладываться. Мы поехали в автомобиле. Дорога шла по узкому карнизу у подножья гор, едва возвышавшемуся над уровнем моря. Горы поросли кленом, грабом, ясенем, дубом. Деревья поражали ростом и размерами, непривычными для северного глаза. Чтобы их породить, требовалась вегетационная мощь субтропической зоны. В Сочи мы остановились только чтобы закусить и оправиться. Помчались далее. Подкатили к дворцу принца в Гаграх к самому обеду.

Принц в защитного цвета рубашке, синих с красными лампасами шароварах, высоких сапогах и в прикрывавшей его лысину ермолке встретил нас приветливо. Дворец был наполнен сотрудниками принца до отказа. Нас негде было уже поместить. Пришлось отвести помещения во временной гостинице, куда и перенесли наши вещи. Нас же принц не отпустил и повел обедать. Застали мы у принца генералов князя Орбелиани и Бернова, полковника Кочергина, адъютанта Скрябина, однокашника моего по Ярославской гимназии инженера путей сообщения Катерфельда, камер-юнкера Буймиштова и др. Принц был очень благодушно настроен. Но, по свойству своему, как всегда неразговорчив. Компанию занимали генерал Орбелиани и полковник Кочергин, рассказывавшие анекдоты. Обед прошел оживленно. Но мы, новоприезжие, проделав как-никак в автомобиле не менее 200 верст, порядочно осовели и мечтали об отдыхе. Однако после обеда — так было заведено — пришлось пройти в бильярдную и там за чашкою кофе присутствовать при ежедневном послеобеденном принцевом моционе на бильярде. Принц сыграл партию с Орбелиани и другую с Кочергиным. Вызывал желающих среди нас. Так как такого не нашлось, за конфузливую ли робостью или по другой причине, то принц незаметно скрылся, отправившись к себе на покой. Стала расходиться и вся компания. Мы пошли во временную гостиницу. Провожали нас Кочергин, Скрябин, Буймиштров *и состоявший при канцелярии*

принца Овчинников, с которым мы познакомились за обедом. Они ежедневно проводили во временной гостинице свои вечера, слушая музыку и поедая ложками арбузы.

Из полного месяца потоками лился лунный свет, заполняя воздушную ширь прозрачным серебристым туманом. Одевались в его таинственную дымку тополя, кипарисы, пальмы. Был конец сентября. А было так тепло, как не бывает у нас в разгар лета. Только и можно было дышать, что ночью. Днем, несмотря на позднее время года, жара была невыносимая.

Нам каждому был отведен в гостинице просторный, комфортабельный номер. Сломленный усталостью, я с наслаждением уснул.

Вызванные принцем к себе телеграммою, мы ждали, что он потребует от нас доклада о нашей ревизии или даст какое-нибудь новое поручение. Ничуть не бывало. Мы ежедневно завтракали и обедали у принца. Присутствовали при его послеобеденных упражнениях на бильярде. Но о деле он нам ни слова не говорил. Дни шли за днями. Жара стояла такая, что днем невозможно было гулять. После же обеда во дворце мы уходили от принца уже ночью. Гулять было поздно. Шли, как и другие, вместе с этими другими во временную гостиницу слушать ее тощий музыкальный ансамбль и есть арбузы. Без дела становилось однообразно. И скучно. Земной рай, каким являлись Гагры по дивной красоте местности и по климатическим ее условиям, превращался в золотую клетку, из которой захотелось упорхнуть.

Прошло так без малого две недели — целая вечность. Наконец умильная благоговейность Иорданова перед принцем распечатала последнему уста. Произошел между ними какой-то разговор по поводу нашей ревизии, во время которого, по-видимому, Иорданов и утопил Тиличеева. Попутно испросил разрешения принца на продолжение ревизии.

Мы с вечера простились с принцем во дворце, поблагодарив за радушное гостеприимство. На следующее утро чуть свет выехали на автомобиле в Мацесту. Когда проезжали мимо дворца, увидели принца, стоявшего на балконе и махавшего в нашу сторону рукою. «Что за человек, — растрогался благоговейный Иорданов, — поверьте, он нарочно встал пораньше, чтобы еще раз приветствовать нас».

Мацеста в зеленом ущелье среди гор, с чудодейственным источником, прекрасным, лишь миниатюрным в ту пору бальнеологическим оборудованием, Сочи с превосходною гостиницею «Ривьера», чудесным Худяковским садом в сто разновидностей древесных пород, солидно обставленными санаториями и лазаретами, гадкое, сырое, грязное Туапсе явились последними моими этапами в ревизионной экскурсии. Я торопился в Петербург за минованием всех приличных сроков возвращения в министерство. Распростившись с Рагозиным и Иордановым, я поехал прямо в Петербург. Товарищи мои по ревизии, чтобы ее закончить, направились в Анапу, откуда имели в виду проехать еще в Ейск.

* * * * *

Во время нашей поездки на Кавказ произошли перемены в составе правительства. За отрицательное отношение к принятию царем на себя верховного командования армиями, за обращение к царю с попыткою отговорить его от

этого шага, а равно за политику, неугодную Распутину, были уволены кн<язь> Щербатов и Самарин. Министром внутренних дел был назначен Алексей Николаевич Хвостов, а синодальным обер-прокурором — Александр Николаевич Волжин. Оба назначения были проведены Распутиным. Хвостов был к нему подведен таким же проходимцем, как сам старец, авантюристом кн<язем> Андрониковым¹⁶. Установлено, что Хвостов в бытность министром бывал у Распутина и хотя трепал его по плечу, но, бывало, целовал ему руку, что, помимо Хвостова и истерических психопатов, проделывали и некоторые другие не имевшие достоинства и чести сановники.

Хвостов, лицеист по образованию, начал службу по судебному ведомству. Был товарищем прокурора в Твери при прокуроре моем двоюродном брате А. А. Лопухине, впоследствии директоре Департамента полиции. В ту пору я еще не разошелся с А. А. Лопухиным на почве семейной размолвки и моего неуважения к нему из-за его беспринципного оппортунизма. Был заездом у А. А. Лопухина и у его жены в Твери и встречал у них Хвостова. Встретил как-то и у его сестры, милой и своеобразно красивой графини Екатерины Николаевны Пашенко-Развадовской^{16а}. Это был веселый, легкомысленный человек, поражавший невероятною тучностью. Из судебного ведомства Хвостов перешел на службу по администрации. Располагая протекциею, продвинулся до должности губернатора. Был губернатором в Вологде, потом в Нижнем Новгороде. Так как призванием Хвостова был водевиль, не уживавшийся *долгое время* с губернаторством, то в губернаторах он не засиделся. Обладая данными общности — здорово ел и пил и умел угощать и угощаться — Хвостов попал в Государственную думу от правых. Царю все навязывали общественных деятелей. С благословения Распутина он и взял себе общественного деятеля в министры внутренних дел, думая угодить общности. Но как был несчастлив в своих починах! Общественники попадались и достойные, и серьезные. А царь взял водевильного гаёра. И наружность Хвостова была водевильная. С годами тучность его приобрела гипертрофическое развитие. Выпиравшийся отовсюду жир его дрожал при ходьбе, как выведенный из состояния покоя студень. Легкомысленный, но не глупый, Хвостов отчетливо прозревал в результате поражения революцию. И пока она не пришла, решил всю веселиться. Придя к власти, поспешил ее использовать, чтобы развернуть действительно основательное, солидно обставленное веселье. С места начал канканировать. «День мой, час мой. Будем ли веселиться, будем ли скучать, все равно гибели не минуем. Будем же лучше веселиться». На организацию веселья расходовал, как впоследствии выяснилось, отпускавшиеся ему в безотчетное распоряжение крупные суммы на проведение выборов в Государственную думу¹⁷.

Волжина я не знал, никогда его не видел, да и слышать довелось о нем только то, что он был ставленником Распутина и уволен был по настоянию Распутина же за то, что ему не угодил.

* * * * *

Черные тучи собирались над головою Сухомлинова. Мясоедов был недостаточно жертвою, принесенною для успокоения общественного мнения, требовавшего обнаружения и кары виновников наших поражений. Палачи Мясое-

дова целили более крупный объект расправы. Добирались через Мясоедова до Сухомлинова. Имя Мясоедова было связано с именем Сухомлинова, поскольку Мясоедов состоял при бывшем военном министре для секретных поручений. Можно было на этом спекулировать, предпринимая поход против Сухомлинова. Нужны были, правда, и другие обстоятельства, которые могли бы навести подозрения на личность бывшего министра. А такие обстоятельства, на несчастье Сухомлинова, были.

Плохо был окружен Сухомлинов в частной его жизни. В интимный круг его вошли авантюристы, проходимцы, подозрительные люди. Из них против нескольких с неким Альтшуллером во главе возбуждено было дело по обвинению в шпионаже. Мясоедов в единственном числе не давал еще повода придраться к Сухомлинову. Мясоедов плюс Альтшуллер и К уже создавали почву для подозрений. Лица, знавшие Сухомлинова, решительно, однако, отвергали их основательность. Нельзя было, по мнению этих лиц, из того лишь, что в интимный круг Сухомлинова проникли шпионы, делать вывод, что были у Сухомлинова преступные сношения с этими шпионами. Он мог и не знать и, наверное, не знал, что они шпионы. Допускалось, что Сухомлинов мог по легкомыслию позволить себе неосторожность высказывать в своем интимном кругу такие вещи, о которых говорить не следовало. Шпионы могли использовать это легкомыслие министра для своей шпионской деятельности. Но сознательное информирование Сухомлиновым шпионов представлялось более чем сомнительным. В самом деле, если бы у него была преступная связь с шпионами, ведь не стал же бы он ее афишировать, оставляя шпионов в своем интимном кругу.

Тем не менее, в связи с поступившими клеветническими доносами на Сухомлинова, содержащими обвинение, помимо шпионажа, также в лихоимстве при размещении заказов на военное снаряжение, было назначено следствие над действиями бывшего министра¹⁸.

Представлялось, однако, что и в плохом окружении Сухомлинова непосредственно виновен был не он, а была виновата, вероятнее всего, бессознательно его молодая красивая жена Екатерина Викторовна. Интимный круг семейных людей большею частью создают не мужья, а жены. Что касается того, как мог терпеть Сухомлинов в своей интимности компрометантных людей, то на это ответ подсказывался один: если их ввела в дом Екатерина Викторовна, то Сухомлинов не мог их не терпеть. Настолько он был привязан к своей действительно обворожительной Екатерине Викторовне всею крепостью поздней, последней любви, всем пафосом старческой страсти.

Скажут, ошибка — эти поздние увлечения, никогда не остающийся безнаказанным вызов велениям разума. Пусть так. Ответственность Сухомлинова за результаты его плохого окружения не устранялась наличием его «ошибки». Но есть люди, которые на подобные ошибки идут сознательно, с готовностью за них ответить. Ошибки увлечений сладки. И впадающие в них если и несут кару, налагаемую на них неумолимою жизнью и суровою логикою, всегда все-таки заранее прощены чуждою предвзятости совестью. Нет существа нуднее того безнадежного педанта, кто всю жизнь проходил в шорах и ни разу не ошибся. В чрезвычайно бедной счастьем нашей жизни лишь из ошибок сплетается эфемерная паутина счастья, которого никогда и никому не дает мертвенная бестемпераментная рассудочность.

* * * * *

Сазонов работал в тесном сотрудничестве с английским послом Бьюкеноном и французским Палеологом. С самого начала войны этот триумвират ежедневно сходилась в кабинете министра иностранных дел и сообща направлял деятельность русского дипломатического ведомства. Сазонов нашел себе руководителей, недостававших ему после смерти Столыпина. И не одного, а двух. Слушался их Сазонов беспрекословно. Можно себе представить, как они дорожили таким русским министром иностранных дел. Триумвират являл трогательную картину деловой сплоченности и личной дружбы. И на улице их можно было встретить вместе совершавшими пешую прогулку перед совместным совещанием в министерстве или по выходе из него. Трое приблизительно одинакового, небольшого роста. Семитического типа Сазонов, белобрысый с усиками, завитыми колечком, кудреватый Бьюкенов, плосколицый, большеголовый, бурятской внешности Палеолог.

* * * * *

В декабре из-за границы приехала через Финляндию проживавшая постоянно в Австрии фрейлина императриц Васильчикова, чтобы попытаться повести по поручению германского и австрийского правительств переговоры о сепаратном мире. Привезла письма императрице Александре Федоровне и ее сестре великой княгине Елизавете Федоровне от их брата, великого герцога Гессенского. Проникла в Царское Село. Весть о ее приезде и передаче писем великого герцога приобрела широкое распространение и послужила основанием к разговорам, извращавшим обстоятельства, действительно имевшие место. Стали говорить о поддержании Александрой Федоровной постоянных сношений с ее братом во время войны, о ее измене России и шпионаже в пользу неприятеля. Вступить в переговоры о мире Васильчиковой, как бы то ни было, не удалось. Она была выслана из Петербурга в свое имение¹⁹.

* * * * *

Принц Александр Петрович Ольденбургский продолжал распоряжаться моей особою без ведома моего и моего начальства по ведомству Министерства иностранных дел. В ноябре в «Правительственном вестнике» появился приказ верховного начальника санитарной и эвакуационной части об учреждении в составе его управления особой финансово-заготовительной комиссии под моим председательством. *Непременными членами комиссии назначались представители ведомств при управлении: от Министерства финансов — чиновник особых поручений 5-го класса при министре Афанасьев и от Государственного контроля — бывший мой сослуживец за время моей короткой службы в этом ведомстве в 1897–1898 гг., помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Кузнецов.*

На комиссию возлагалась забота о размещении заказов, в первую очередь, по снабжению действующей армии противогАЗами, диетическими питательными

средствами для больных и раненых, по устройству дезинфекционных пунктов со снабжением их дезинфекционными камерами, по заготовкам медикаментов, оборудованию госпиталей, по возведению барачков в распределительных пунктах и местах лечения раненых и больных и проч., и проч. Заготовки противогазовых средств требовались в большом масштабе. В первое время пользовались лишь совершенно рудиментарными марлевыми масками, напитывавшимися более или менее обезвреживавшими газы влажными химическими составами. Для предотвращения вдыхания газов через нос изготовлялись надевавшиеся на нос проволочные зажимы. Теперь вводились маски с резиновыми трубками, соединявшимися с респираторами-жестянками, в которые помещалась более эффективная сухая обезвреживавшая масса. Изготовление масок требовалось массовое и совершенно срочное. Штаб верховного главнокомандующего засыпал принца телеграммами о срочном доставлении масок на фронт. Потребность в резиновых и прорезиненных частях масок покрывалась фабрикою «Треугольник». Но заготовки жестянок не обеспечивались в потребном количестве частновладельческой промышленностью. Не обеспечивалась в полной мере и сборка частей масок. Приходилось реквизировать заводы по производству изделий, не составлявших предметов первой необходимости, переоборудовать такие заводы и срочно пускать их по новому назначению. *Комиссия не только являлась ответственной за размещение заказов, но на нее возлагалось и ответственное наблюдение за их исполнением.*

Работа была тяжелая. Преодолевать приходилось значительные препятствия *не только объективного характера, но и порождаемые людскою глупостью и людскою злою волею.* Война уже внесла глубокое расстройство в добывающую промышленность. Обозначился острый недостаток в материалах. Недостаточною стала необходимая для изготовления респираторов жечь. Получение ее было связано с большими затруднениями. Значительные трудности представляла и заготовка химических припасов, потребных для выделки противогазовых средств. Приходилось не ограничиваться скупкою этих припасов на рынке, а специально организовывать их производство. Разместив частью заказы жестянок в частновладельческих петербургских и московских мастерских, я встретился с препятствиями и такого рода. Поехал в Москву самолично наблюдать за исполнением заказов. Несколько мастерских принадлежали евреям. Администрация проявляла по случаю войны особую строгость в отношении соблюдения правил об ограничении права жительства евреев. Наши евреи объявили мне, что не могут продолжать работу по исполнению наших заказов, так как, невзирая на предъявление ими документов, подтверждавших их работу на Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части, полиция по распоряжению генерал-губернатора их выселяет. Трудно было себе представить больший административный кретинизм. Пусть наши бойцы, отравляемые немецкими газами, тщетно ждут противогазовой защиты. Еще подождут. Было бы выселено в торжество ограничительных правил несколько евреев. По счастью, принц случайно проездом находился в Москве. Мне был назначен доклад у него на завтра утром в его поезде на запасных путях Николаевского вокзала. Явившись к нему, я у него застал как нельзя более кстати только что прибывшего генерал-губернатора. И, не стесняясь его присутствием, нажаловался принцу на действия московской администрации, достаточно красочно подчеркнув пре-

ступную ее глупость. Принц слушал меня внимательно. Генерал-губернатор, накупившись, молчал. Я подал принцу список изгонявшихся евреев — хозяев мастерских. Принц передал список генерал-губернатору, решительно заявив: «Это надо остановить». Евреи были оставлены. С учреждением комиссии дача заказов по управлению принца отошла от его канцелярии, возглавлявшейся Гарязиным. Она превращалась в орган, подчиненный комиссии, на который возлагалось обслуживание ее в делопроизводственном отношении. Гарязину это не понравилось. Он пытался бороться с комиссией. Однако вскоре был удален. Принц еще ранее по какому-то поводу совершенно разочаровался в нем. По моей рекомендации начальником канцелярии был назначен мой товарищ по университету, служивший в Министерстве торговли К. Я. Ушаков. Но он не понравился принцу. Вскоре ушел. Еще ранее я задумал уйти. Все разрастающийся объем моей работы по управлению принца делал ее несовместимой с основной моей службой по Министерству иностранных дел. Комиссия наладила производство противогазов сдачею заказов частновладельческим предприятиям и переоборудованным реквизируемым заводам. Испросила ассигнования на снабжение, производившееся санитарной частью Союзом земств и городов. Обеспечила заказами изготовление всяческой аппаратуры, а равно медикаментов, химических и иных продуктов, начиная от дезинфекционных камер и автоклавов и кончая каустической содою и метиловым спиртом. Наконец, организовала доставку санитарной части оказавшегося в России в недостатке сальварсана выпискою его из-за границы через наши посольства, миссии и консульства. В марте 1916 года, совершенно уже изнемогая от непосильного по совместительству с основной службой труда, я подал на имя принца просьбу об увольнении. Ко мне приезжал на квартиру уговаривать остаться Александр Николаевич Рагозин. Но я его убедил в непосильности для меня продолжать далее две службы, одну другой ответственнее.

Глава 21.

1916 год

В январе, на этот раз окончательно, был уволен Горемыкин. Не потому, чтобы царь осознал наконец несоответствие Горемыкина тем требованиям, которые предъявлял к главе правительства переживавшийся страной глубокий кризис, а по той причине, что не соответствовал в полной мере Горемыкин видам распутинского кружка. Последнему был нужен свой человек на посту председателя Совета министров. Распутин настоял на замене Горемыкина членом Государственного совета Борисом Владимировичем Штюмером¹.

Старый уже человек, крупной фигуры, высокого роста, с некрасивым лицом, воспроизводившим своими чертами облик хищной птицы, волосом рыжий с сединою Штюмер был замечателен в среде сановников тем, что побил рекорд плохой репутации. Он тренировался на это достижение с давних пор, когда еще начал строить свою карьеру, опираясь на благосклонность министра двора, потом наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, питавшего симпатию к жене Бориса Владимировича. Ради карьеры Штюмер не брезговал ничем. Когда за неутверждением кандидатов тверского земства никто не хотел идти в председатели Тверской губернской земской управы по назначению, Борис Владимирович собою «пожертвовал», приняв это назначение и тем вызвав ненависть к себе и презрение среди общественных кругов². Попал в губернаторы. Был губернатором в Новгороде, потом в Ярославле, с которым я был связан проведенною в нем моею юностью и в котором имел поэтому много друзей. Все они в один голос изобличали в Штюмере лишенного элементарной морали черносотенца, интригана и взяточника³. Из ярославских губернаторов Штюмер был назначен директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел. О его художествах в этой должности мне не довелось что-либо слышать, за исключением связанной с оставлением Штюмером директорского поста небольшой «подробности». Выезжая из казенной директорской квартиры, Штюмер «по ошибке» вывез из нее вместе со своими вещами и всю казенную обстановку. Почему ее не потребовали от него обратно, непонятно. Вероятно, приходилось считаться со Штюмером. Его ценили. Что обычно не делалось, его прямо из директоров назначили членом Государственного совета. Обычная дорога шла через Сенат. Грязь была стихиею